

С тех пор как он узнал от Юй Далонга, что Минг Шу не был натуралом, Фан Юаньхан словно включил радар, который на самом деле ему не принадлежал. Расследуя это дело, он больше всего думает о том, кто же, черт возьми, вторая половина моего шефа?

Его начальник был так занят все время. А когда Минг Шу был занят делом, он ел и спал в Бюро. Количество времени, которое ему приходилось тратить на свидания, наверняка было ничтожно мало.

Итак, Фан Юаньхан решил, что есть очень большая вероятность, что напарник его начальника не был кем-то вне силовых структур.

Минг Шу, должно быть, нашел кого-то на рабочем месте; он был похож на кролика, грызущего траву возле своей берлоги!

Только что Сяо Юань призвал Минг Шу «замереть». И Минг Шу остановился.

Это должно было быть нормальным, обычным делом. Когда начальник призвал подчиненного остановиться, как подчиненный мог продолжать бежать?

Если бы это случилось в прошлом, Фан Юаньхан даже не удостоил бы их второго взгляда. Но теперь его первой мыслью было: всегда ли шеф был таким послушным? И таким покладистым?

И это «замри» от заместителя директора Сяо тоже звучало немного необычно. Это звучало немного как приказ, но также и немного как шутка. И это совсем не походило на настоящую команду. Это звучало почти как будто... он дразнил Минг Шу?

Начальник Фан Юаньхана тоже очень быстро остановился, и произнесенное им «в чем дело» совсем не походило на то, что подчиненный сказал бы своему начальнику. Это было больше похоже на...

Фан Юаньхан хлопнул себя по лбу и подумал про себя: Нет! Я не могу так думать, я действительно запутаюсь, если буду так продолжать!

В прошлый раз он уже исключил заместителя директора Сяо из списка подозреваемых. Заместитель Сяо был таким стойким и благородным человеком. Мог ли он действительно быть женой наставника Фан Юаньхана?

Сяо Юань сказал Минг Шу несколько слов, которые Фан Юаньхан не расслышал. Голос Минг Шу был немного громче; он сказал, что торопится увидеть Сяо Мана. После этих слов Сяо Юань отпустил его.

Фан Юаньхан целую вечность прятался за углом, а затем внезапно осознал — перед ним словно открылся совершенно новый мир.

Кто сказал, что вторая половинка его наставника должна быть женой ?

Минг Шу, естественно, понятия не имел, что за буря назревает в бушующем море разума его новичка. Как только он добрался до следственного отдела, то поспешно спросил:

— Результаты?

— Это собачья кровь, — сказал Сяо Ман, положив перед Минг Шу отчет об анализе образца крови. — У Тун сказала, что убивала кур на этом балконе, а Мэн Сюэ подтвердила, что У Тун любит убивать там кур. Но на самом деле У Тун также убила там и собаку.

Для девушки уже было довольно подозрительно получать удовольствие от убийства кур.

Если же она убивала не только кур, но и собак, ситуация должна была стать еще более запутанной.

Лян Лу сказал, что У Тун была его дальней родственницей, и что он не видел ее много лет. В последний раз, когда они встречались, У Тун была еще маленьким ребенком. В этом случае личность и опыт У Тун были бы тем, о чем Лян Лу и его родители абсолютно ничего не знали.

Вполне возможно, что нынешняя У Тун больше не была той У Тун, которую знал Лян Лу.

Сюй Чунь взял с собой нескольких других членов полевой рабочей группы и помчался в уезд Хэсян, где выросла У Тун. Они все еще были в пути и пока не прислали никаких новостей.

В комнате для допросов Минг Шу вытащил стул и сел напротив У Тун. Он спокойно изучал ее несколько минут, прежде чем начал говорить:

— Что ты делала в Девятой школе в ночь на 24 августа? Эта школа не находится по дороге между твоим домом и Цзяньцзя Байлу. На самом деле, она довольно далеко. Ты сказала мне ранее, что после работы сразу идешь домой, чтобы посмотреть драмы и аниме, или заниматься стиркой и работой по дому. У Тун, твое поведение в тот день было очень необычным.

Планшет, лежавший на столе для допросов, воспроизвел фрагмент записи наблюдения, которая была увеличена и улучшена. В этом видео У Тун была одета не так, как обычно: ее волосы были собраны в низкий хвост; на ней была бейсболка, черная футболка, темно-синие джинсы и черные кроссовки; она несла темно-коричневый рюкзак на спине.

Козырек этой бейсболки был надвинут очень низко на глаза У Тун, но было ясно, что она не знала, что рядом с ней была камера наблюдения. Проходя мимо камеры, она подняла глаза и украдкой посмотрела влево и вправо. Камера прекрасно уловила выражение беспокойства и настороженности на ее лице.

— Когда я просматривал кадры наблюдения из Цзяньцзя Байлу, я заметил, что ты никогда не носила такие темные цвета, — продолжил Минг Шу. — А 24-го на работе ты была в небесно-голубом платье. Оно было очень похоже на то, что было на тебе, когда я впервые посетил Цзяньцзя Байлу. Почему всего через два часа ты переделалась в темную футболку и джинсы?

С тех пор, как начали проигрываться кадры уличного наблюдения, невинное и наивное выражение лица У Тун полностью исчезло с ее лица.

Минг Шу медленно спросил:

— Что у тебя в сумке?

У Тун тупо уставилась на Минг Шу:

— У каждого своя личная жизнь, почему я не могу пойти в Девятую школу? Разве есть какое-то место, куда не допускаются праздные люди?

— Отказываешься от своей игры? — внезапно спросил Минг Шу.

У Тун замерла. Ее губы приоткрылись, и намек на яркий свет невинности медленно закрался обратно в ее глаза.

— Я думал, что ты больше не хочешь играть, но, похоже, ты действительно хорошая актриса. Как только я напомнил тебе о твоей маске, ты снова погрузилась в образ, — задумчиво сказал Минг Шу. — Конечно, тебе разрешено ходить в Девятую школу. Но я хочу знать, почему ты внезапно переделалась перед тем, как пойти туда.

— Я должна отвечать на это? — У Тун не казалась переполненной самоуверенностью. Ее взгляд почти бессознательно снова скользнул к планшету.

Было очевидно, что она не ожидала, что ее снимут на камеру.

Это доказывало, что в тот день У Тун намеренно пыталась уклониться от камер общественного наблюдения. Просто она не заметила камеру, спрятанную в углу.

— Да, — сказал Минг Шу.

У Тун прикусила нижнюю губу, и через несколько секунд в ее глазах уже стояли слезы.

Но как эти слезы могли обмануть Минг Шу?

— Девятая школа — лучшая старшая школа в городе Донгъе. Я... я хотела пойти посмотреть. — голос У Тун был очень мягким, и ее слова прерывались тихими всхлипами. — Моя семья бедна, и я не очень конкурентноспособна, мои оценки всегда были средними, поэтому я не могла продолжать ходить в школу. Но на самом деле... на самом деле очень хочу ходить в школу.

Точно так же, как Фан Юаньхан смог сказать, что Лю Мэй не проявляет искреннего интереса к изучению традиционных инструментов, Минг Шу мог сказать, что заявление У Тун о том, что она «на самом деле очень хочет ходить в школу», было ложью.

— Приехав в город Донгъе, я обнаружила, что все люди образованнее меня. Все учителя в Цзяньцзя Байлу и все студенты, которые уже были взрослыми людьми... все они закончили университет. Я чувствовала себя неполноценной. — сказала У Тун низко опустив голову. — Такие люди, как я... даже снимая комнату, могут жить только с девушками, которые работают в маникюрном или парикмахерском салоне.

— Ты не слишком высокого мнения о своих соседях по комнате? — спросил Минг Шу.

У Тун яростно покачала головой:

— Это неправда, я такая же, как они, так кто я такая, чтобы смотреть на них свысока? Но люди всегда мечтают подняться выше, конечно, я все равно стремлюсь к тем, кто умеет учиться. Я пошла в Девятую школу, потому что я... хочу видеть тех, кто добивается высоких результатов, — печально продолжала говорить У Тун. — Но я не решаюсь надеть свою обычную одежду, чтобы пойти туда, я боюсь...

— У тебя большой эмоциональный багаж. Ты не хотела, чтобы кто-нибудь узнал тебя. Но если ты пойдешь в Девятую школу и осмотришься, то сможешь представить, что ты тоже отличница и одна из них.

У Тун поспешно кивнула:

— Да!

Минг Шу холодно улыбнулся:

— Так легко соглашаешься с моей историей? У Тун, разве в твоей логике есть смысл?

У Тун была совершенно сбита с толку.

— Пойти в Девятую школу, чтобы «увидеть тех, кто добивается высоких результатов»? Что это за чепуха? Ты реагируешь довольно быстро, но твоя способность придумать убедительную историю слишком слаба, — сказал Минг Шу. — Юй Сяочэн — один из тех отличников из Девятой школы, но ты не пыталась сблизиться с ним в Цзяньцзя Байлу. Вместо этого ты в

одиночку изо всех сил пыталась посетить Девятую школу. Имеет ли это смысл? Разве это не слишком странно?

— Он не подходит для этого, — сказала У Тун.

— О? Почему? — спросил Минг Шу. — Юй Сяочэн не просто ученик Девятой школы. Он студент-гуманитарий в продвинутом классе. И ты говоришь, что он «не подходит»?

— Он просто очень старается, у него совсем нет таланта... — У Тун внезапно запнулась.

— У него вообще нет таланта, — медленно повторил Минг Шу и добавил: — Ты же просто секретарь, откуда тебе знать, что у ученика Ша Чунь на индивидуальных занятиях нет таланта? У Тун, не слишком ли много ты знаешь?

У Тун затаила дыхание, холодный пот потек по ее шее.

— Где сейчас одежда, в которой ты на видео? — спросил Минг Шу.

У Тун не сказала ни слова.

— Ты ходила не в Девятую школу, а в дом Юй Сяочэна за пределами Девятой школы, верно? — продолжил спрашивать Минг Шу.

У Тун по-прежнему молчала.

— Не хочешь ничего говорить. Хорошо, — сказал Минг Шу. — Ты очень хорошо маскируешься, но поскольку я уже распознал твою маскировку, то поиск улики — это вопрос времени.

Щеки У Тун резко дернулись несколько раз.

— Ты убивала собак на балконе своего дома? — добавил Минг Шу.

У Тун пристально посмотрела на Минг Шу, плотно сжав губы.

***

— Давайте сначала найдем улики, — Минг Шу вышел из комнаты для допросов и провел небольшое совещание с членами команды, которую он собрал, чтобы изучить Цзяньцзя Байлу. — В истории У Тун много пробелов. Сейчас самое главное — найти доказательства ее преступления.

Система наблюдения в доме, где снимала квартиру У Тун была не очень надежной. Определить ее местонахождение в ночь на 24 августа было делом непростым.

В ее квартире было три спальни, и у нее и ее соседей по комнате было разное время работы и отдыха. Помимо того, что они время от времени готовили и ели вместе, У Тун, Мэн Сюэ и Ли Тяньюэ в основном жили своей жизнью и занимались своими делами. Если двери в спальни были закрыты, было невозможно понять, дома двое других твоих соседок или нет.

У Мэн Сюэ был веселый нрав; она не была большой интриганкой. Из трех женщин ей больше всего нравилось проводить время в общей гостиной.

— Я не люблю оставаться в своей комнате. Окно в моей спальне не настоящее окно, оно ведет на балкон. Когда другие девушки вешают белье, они могут заглянуть в мою комнату. Мне неудобно, поэтому я предпочитаю оставаться в гостиной, — сказала Мэн Сюэ. — Тунтун редко приходит в гостиную, когда я возвращаюсь с вечерней смены, она в основном сидит в своей комнате.

— Я вообще ее почти не вижу, — ответила Ли Тяньюэ, когда ее спросили о У Тун. У нее было вытянутое лицо со злым выражением и очень холодный голос. — Вы спрашиваете не того человека, я не знаю и не интересуюсь, что она делает на улице.

Минг Шу некоторое время изучал Ли Тяньюэ, а затем спросил:

— Ты тоже, как и Мэн Сюэ, часто работаешь допоздна?

— Разве вы не расследуете У Тун? — подозрительно спросила Ли Тяньюэ. — Почему ты спрашиваешь обо мне?

— Потому что твой ответ, скорее всего, станет основой моего суждения, — искренне заявил Минг Шу, его тон и выражение лица были серьезными.

На ледяном лице Ли Тяньюэ появился след удивления.

Из-за плохой внешности и работы в сфере обслуживания Ли Тяньюэ, несмотря на то, что она была старательной и целеустремленной, приходилось сталкиваться с гораздо более тяжелыми трудностями, чем другим. Многие клиенты не хотят соглашаться на ее услуги, потому что "она не похожа на хорошего человека".

После стольких холодных отказов Ли Тяньюэ потеряла чувствительность к такому обращению. Она едва могла вспомнить время, когда кто-то смотрел ей прямо в глаза, и еще реже кто-то смотрел на нее так серьезно, как Минг Шу смотрел на нее сейчас. Никто никогда не говорил с ней так искренне и не говорил ей, что ее слова могут иметь такой вес в чем-то вроде полицейского расследования.

— У Тун когда-нибудь делала что-то, что вы находили необычным? — спросил Минг Шу. — Или, позвольте мне сформулировать это по-другому — вас когда-нибудь волновали какие-либо из ее действий?

— Она... — Ли Тяньюэ нахмурила брови. — Любит убивать кур.

Минг Шу согласно кивнул:

— Действительно, для девушки ее возраста ненормально любить убивать кур.

Услышав это, Ли Тяньюэ покачала головой:

— Более того, ее состояние, когда она убивает куриц, немного пугает.

— Насколько пугающее?

— Кажется, что она очень возбуждена. — Ли Тяньюэ подняла обе руки, когда говорила, как будто подражая действиям У Тун. — Я тоже из деревни, я убивала кур, уток и рыбу, а также наблюдала за тем, как их убивают мои родители, я думаю, что обычное убийство кур — это совсем не то, что было у нее.

— Чем отличался ее метод? — спросил Минг Шу.

Ли Тяньюэ резко вздохнула, и ее и без того злобное лицо стало немного мрачным:

— Я думаю, что она убивает цыплят для развлечения, вместо того чтобы заниматься обычной работой.

— У вас в квартире когда-нибудь жила собака? — снова спросил Минг Шу.

Ли Тяньюэ покачала головой.

У них никогда не было собаки в доме, но на балконе были брызги собачьей крови.

Убийство кур выглядело не как обычная работа, а скорее как развлечение.

Минг Шу догадался о причине такого поведения У Тун.

Под милой внешностью У Тун скрывался жестокий человек; она убивала кур и собак, возможно, чтобы удовлетворить свою потребность в убийстве, а возможно, чтобы провести

репетицию перед убийством.

— Сейчас я собираюсь задать ключевой вопрос. Пожалуйста, хорошенько подумай, — сказал Минг Шу. — 23 августа ты была на работе или у тебя был выходной?

Ли Тяньюэ надолго задумалась.

— Мне нужно взглянуть на мой телефон. У меня есть заметки о моем расписании.

Минг Шу согласился.

— Я была на работе. В ночную смену, — ответила Ли Тяньюэ, просмотрев свои записи. — А на следующий день был выходной.

— Во сколько ты возвращаешься домой в ночную смену?

— Около двух часов ночи, — ответила Ли Тяньюэ.

— Была ли У Тун дома?

— Она... — Ли Тяньюэ внезапно нахмурила брови. — Дайте мне подумать еще немного.

Минг Шу скрестил руки на груди и терпеливо ждал ответа Ли Тяньюэ.

— Вот в чем дело. Ранее вы спрашивали меня, не было чего-то странного в поведении У Туна, но когда мы начали говорить об убийстве куриц, я кое-что забыла, — начала Ли Тяньюэ после долгой паузы. — У Тун работает в дневную смену, но ложится спать очень поздно. Всякий раз, когда я возвращаюсь домой поздно ночью, я вижу свет, льющийся из щели между дверью ее спальни и полом.

Ли Тяньюэ снова помолчала, а затем продолжила:

— В ночь на 24 августа из ее комнаты не проникал свет.

Минг Шу с интересом наклонился вперед:

— Почему ты так ясно это помнишь?

— Потому что в тот день покупатель злонамеренно поставил меня в затруднительное положение, а после этого меня отчитал директор магазина, — сказала Ли Тяньюэ,

встретившись взглядом с Минг Шу. — После возвращения домой я никак не могла уснуть и пила в одиночестве в гостиной. Сначала я боялась, что У Тун вдруг выйдет и увидит меня в таком виде, но обнаружила, что в ее комнате совсем нет света.

Нет света. Это могло означать только одно из двух: У Тун вообще не было дома; У Тун спала.

У Ли Тяньюэ был ответ на этот вопрос. По ее словам, У Тун не было дома; она вернулась только рано утром 24-го.

— Ты абсолютно уверена, что она не вернулась до утра? — спросил Минг Шу.

— Я уверена, потому что в тот день я не вернулась в свою комнату, — сказала Ли Тяньюэ. — Я заснула на диване. Утром я услышала стук двери и увидела, как она вошла в дом, одетая в темный наряд.

— Она просто прошла прямо перед тобой? — спросил Минг Шу. — Ты с ней заговорила?

— Она не знала, что я не сплю, — сказала Ли Тяньюэ. — Я только мельком взглянула на нее.

Минг Шу сразу же показал кадры с камер наблюдения вокруг Девятой школы:

— Это был этот наряд?

Ли Тяньюэ некоторое время смотрела на экран.

— Я не знаю?

— Не знаешь?

— Я не видела четко, я только взглянула на нее, когда она вошла в комнату, я видела оттенок, но не могла определить конкретный стиль.

***

— Если бы Ли Тяньюэ солгала, она, скорее всего, сказала бы, что это именно та одежда, которую У Тун носила в тот день, — сказал Минг Шу. — С учетом того, как обстоят дела сейчас, мы можем считать Ли Тяньюэ важным свидетелем. Но у нас все еще недостаточно доказательств.

— Мы не смогли найти ни ту одежду, ни рюкзак, который У Тун носила возле Девятой школы, когда обыскивали ее квартиру. Она, должно быть, выбросила все это вместе с оружием

убийства, — сказал Сяо Ман. — Я только что вернулся после визита к техническим следователям. Чжоу Юань просил передать, что он провел восстановление данных на мобильном телефоне У Тун, и что У Тун любит смотреть не драмы и аниме, а кровавые и жестокие видеоролики. На ее странице поиска также видно, что она просматривала множество способов убийства и уничтожения тел. Капитан Минг, У Тун — убийца, и ей не избежать наказания.

Атмосфера становилась все более серьезной, когда кто-то снаружи крикнул:

— Отдел по тяжким преступлениям, ваша еда на вынос здесь!

Минг Шу вырвался из своих мыслей и тут же крикнул в комнату:

— Все желающие могут спуститься вниз и получить свою долю!

Сяо Ман оживился, ему стало любопытно:

— Угощение от Сяо Минга, да? Что на этот раз?

Минг Шу хлопнул Сяо Маня по спине.

— Кто сказал, что ты можешь называть меня «Сяо Минг»?

— Лу Яньчжоу может называть тебя так, капитан И может называть тебя так, а я не могу? — Сяо Ман пожаловался. — Ты смотришь свысока на группу технических следователей?

— Прекрати! — Минг Шу подтолкнул его к лестнице. — Иди, и возьми свою порцию чая с молоком. Кто первым пришел, тот и получил.

— Чай с молоком, да? — Сяо Ман был очень доволен, после того как он так долго возился с этим делом, он просто хотел пополнить запасы энергии, и поспешил вниз, только чтобы получить чашку клубнично-персикового чая.

— Что за хрень? — Сяо Ман побежал обратно: — Разве ты не сказал, что это чай с молоком?

— Разве это не чай с молоком? — спросил Минг Шу.

— Где боба*? Почему там клубника и кусочки персика?

(*большие шарики из муки тапиоки и риса, боба или молочный чай с жемчужинами — национальный напиток Тайваня)

Минг Шу пренебрежительно махнул рукой.

— Разве это не одно и то же?

— Как ты можешь называть это чаем с молоком, когда нет боба? — Сяо Ман пожаловался с отвращением на лице. — Это чашка с какой-то розовой дрянью.

— Лишь бы было вкусно. — Минг Шу искренне думал, что клубнично-персиковый чай был довольно вкусным. Он купил чашку для себя, исследуя У Тун в «Хуа Жун», и стал зависимым после того первого же глотка. Он потратил довольно много собственных денег, чтобы получить заказ для своей команды, а эти ребята даже не оценили этого.

Тск.

Сяо Ман любит молочный чай боба, и не привык к этим зеленым и цветочно-фруктовым чаям, но есть люди, которые его ценят.

Например, Фан Юаньхан.

Услышав, что его начальник заказал чай с молоком, Фан Юаньхан подбежал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Минг Шу потягивает из чашки клубнично-персиковый чай.

Фан Юаньхан уставился на него.

Нравится клубнично-персиковый чай...

Это подтвердило! Его начальник действительно был геем!

Минг Шу позвал Фан Юаньхана и похвалил его за недавнюю работу, а затем задал ему несколько вопросов о деле Чу Кана.

— Не волнуйтесь шеф, заместитель Сяо внимательно следит за этим делом, — заверил Фан Юаньхан. — Мы обязательно выясним правду!

— Не увлекайся, — предупредил Минг Шу. Он все еще думал о женщине, о которой говорила Сюй Инь. — Нам нужно определить, сколько женщин убил Чу Кан. Поскольку мы уже подтвердили, что у него такое извращение, то Чжоу Си может быть не единственной его жертвой.

Фан Юаньхан кивнул.

— Я знаю!

— Тогда продолжай. — Минг Шу рассмеялся. — Я до сих пор не могу оторваться от этого расследования, чтобы помочь вам. Поэтому могу наградить тебя только чашкой чая с молоком.

Одно дело, если бы Минг Шу не упомянул чай с молоком. Но теперь веки Фан Юаньхана дернулись, и он выпалил:

— Эй, шеф...

— Хм? — Минг Шу поднял голову. — Есть что-то еще?

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал Фан Юаньхан. Но тут же добавил: — Но не сейчас.

Что за добродетель была у его ученика, мог ли Минг Шу до сих пор не знать? Пока Фан Юаньхан говорил так серьезно, Минг Шу взглянул на его лицо, только чтобы увидеть желание посплетничать, и с улыбкой отругал:

— Убирайся к черту отсюда и сосредоточься на своем деле. Если у тебя есть психологическая травма, поговори с Линь Цзяо.

Фан Юаньхан схватил чашку клубнично-персикового чая и поспешно отступил. Минг Шу снова погрузился в размышления о деле, тихо обдумывая детали, прежде чем натолкнуться на загвоздку...

Он понял, что выслушал отчет только от Сяо Маня, а Чжоу Юань не приходил.

Чжоу Юань. Хотя этот человек и интроверт и обычно говорит очень мало, но раз уж случилось важное открытие, то он непременно лично помчится докладывать.

Почему в этот раз он позволил Сяо Ману передать это от его имени?

Это было ненормально.

Многие офицеры Отдела по расследованию тяжких преступлений жаловались, что не хотят пить ничего такого сладкого и розового, но их тела говорили правду. Все чашки с напитком были востребованы в течение нескольких минут. Благо, что многие из членов команды вообще не были в Бюро, а то бы на всех не хватило.

Минг Шу взял последнюю чашку и направился в офис группы технического расследования.

Чжоу Юань сидел перед компьютером, но его руки не лежали на клавиатуре.

Плечи его были слегка ссутулены, руки лежали на коленях, глаза с множеством красных кровянистых прожилок деревянно смотрели на написанный на дисплее код, а со спины он казался очень худым.

Люди часто связывали такого рода худобу с беспомощностью и жалостью.

Минг Шу некоторое время стоял позади Чжоу Юаня, но тот вообще не заметил его.

Хотя технические следователи в основном работали над техническими аспектами дела, они все же были детективами по уголовным делам, их чувство бдительности не может быть таким слабым.

Что-то явно давило на сердце Чжоу Юаня.

Минг Шу прочистил горло и поставил клубнично-персиковый чай на стол.

Чжоу Юань был поражен и немедленно встал:

— Минг... Капитан Минг.

Минг Шу встретился взглядом с Чжоу Юанем и более или менее понял, что здесь происходит.

Фан Юаньхан недавно сказал Минг Шу, что на учителя Чжоу сильно повлияла ситуация Юй Сяочэна. С тех пор он был в плохом настроении.

Чжоу Юань был человеком, который очень серьезно относился ко всему, и можно было сказать, что в молодости он тоже был трудолюбивым ребенком.

Рассуждения, в которых погрязли Юй Сяочэн и Ша Чунь, были особенно склонны влиять на прилежных людей, которым не хватало природного таланта.

Минг Шу никогда не считал Чжоу Юаня человеком, лишенным природного таланта. Никто из тех, кто работал в отделе по расследованию тяжких преступлений, не мог считаться средним. Чжоу Юань и другие члены технической следственной группы приложили руку к каждому важному делу, раскрытому Отделом по тяжким преступлениям за последние годы.

Но Чжоу Юань возлагал на себя слишком большие надежды. Он никогда не был удовлетворен, он считал, что у него слишком много недостатков.

Это тоже было нормально.

Чжоу Юань был одарен, но не гений. Минг Шу видел настоящих гениев, занимавшихся техническими расследованиями, таких как Лю Чжицин из Бюро в Лочэне. Если бы кто-то сравнил Чжоу Юаня с Лю Чжицином, то Чжоу Юань, безусловно, выглядел бы обычным человеком.

В последнее время дела посыпались на них безостановочно. Давление на Чжоу Юаня было чрезвычайно сильным. Это давление в сочетании с влиянием Юй Сяочэна повергло Чжоу Юаня в это внезапное депрессивное состояние.

Как только он понял причину, Минг Шу похлопал Чжоу Юаня по плечу и сказал:

— Ты действительно потрясающий, наш Сяо Чжоу.

Чжоу Юань замер.

— Чт... что?

— У Тун появилась в районе Девятой школы 24-го числа. Это важная улика, которая была найдена тобой, — сказал Минг Шу. — Разве это не потрясающе?

— Ничего особенного, — пробормотал Чжоу Юань. — Слежка ведется постоянно, если знать нужную дату и найти время на проверку, то всегда можно найти улики. Это не моя заслуга...

— Это твой ценный вклад, — строго прервал Минг Шу. — Что, ты думаешь, что только большие успехи, сделанные благодаря гениальности, считаются вкладом? Ты думаешь, что вклад, сделанный тяжелым трудом и усердием, не имеет значения?

Глаза Чжоу Юаня слегка дрогнули.

— Я...

— Ты и так очень хорош, не надо так сильно давить на себя, — сказал Минг Шу. — Те удаленные данные на мобильном телефоне У Тун также были восстановлены тобой, так зачем же ты попросил Сяо Мана рассказать об этом мне?

Чжоу Юань опустил взгляд:

— Это все, что я могу сделать.

— Этого уже достаточно, — сказал Минг Шу. — Конечно, если бы ты мог сделать больше, я бы тебя точно не остановил.

— Но Лю Чжицин из Лочэна... — Чжоу Юань замолчал. Технические отделы различных участков часто работали вместе, и бюро в городе Донгье работало с бюро в Лочэне по многим делам. Вполне естественно, что Чжоу Юань знал Лю Чжицина.

— Не упоминай его! — приказал Минг Шу. — Мы постоянно конфликтовали во время моего обучения в группе специальных операций.

Чжоу Юань ни на секунду не поверил этому.

— Тот курс по интернет-безопасности, который он вел, был моим худшим предметом, — продолжил Минг Шу. Принимая во внимание настроение Чжоу Юаня, он немного рассказал о своих спорах с Лю Чжицинем. — По сравнению с Лю Чжицинем, мне намного больше нравится наш учитель Чжоу.

Чжоу Юань наконец улыбнулся.

— Не заикливайся на этом слишком много, — сказал Минг Шу. — Люди... знаешь, чем больше человек думает, что он не может что-то сделать, тем больше он заикливается на этом и в правду не может этого сделать. Как капитан Отдела по расследованию тяжких преступлений, я говорю тебе, что ты выдающийся член моей команды. Если ты отрицаешь свои собственные таланты, ты в то же время отрицаешь мое мнение как твоего капитана.

Чжоу Юань глубоко вздохнул и кивнул.

— Я понимаю.

— Продолжай заниматься своими делами, если у тебя есть какие-то находки, не позволяй Сяо Ману передавать их, приходи ко мне сам, понял?

— Понял!

Выйдя из офиса Чжоу Юаня, Минг Шу получил звонок от Сюй Чуня.

— Капитан Минг, мы узнали кое-что от жителей деревни Ванцуй. Настоящая У Тун уже мертва!

<http://bllate.org/book/14859/1321934>